

Е. В. Семенов

НЕОБХОДИМОСТЬ, СЦЕНАРИИ И ВАРИАНТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО КОМПЛЕКСА

После краха советской административной системы и распада Советского Союза российский научный комплекс одновременно оказался в сильно изменившихся обстоятельствах. Как теперь видно, он не был готов к функционированию в новых рыночных условиях. Российская наука оказалась и низко адаптивной, и мало способной к развитию в непривычной для нее среде, вследствие чего она переживает в последние полтора десятилетия процесс прогрессирующей *системной деградации*, которую чаще всего характеризуют как кризис, но иногда и как катастрофу.

Принципиальной ошибкой является, на мой взгляд, объяснение кризисного состояния российской науки исключительно или главным образом ее «недофинансированием». В действительности мы имеем дело с системным кризисом, где недофинансирование является лишь моментом и следствием действия других, более фундаментальных причин. Мы имеем дело также с непоследовательной, вяло проводимой реформой, не соответствующей глубине переживаемого наукой кризиса.

Особую остроту проблеме придает то, что кризисное состояние сферы российской науки таит в себе угрозы для развития страны. Острота проблемы заключается и в том, что в силу исторически сложившейся ситуации уже в течение полутора десятилетий невозможным оказывается проведение реформы науки, хотя реформа является жизненно необходимой и для страны, и для самой науки.

Системная деградация

Деградация научного комплекса страны имеет массу видимых проявлений – от старения кадров до обветшания оборудования. Она проявляется также в невостребованности науки, в утрате ею привлекательного социального статуса, в резком материальном и социальном ослаблении ранее благополучной профессиональной группы научных работников, в утрате учеными перспективы и смысла своей работы, в разрушении этоса науки, в массовом исходе из науки (отчасти из страны) значительной части наиболее дееспособных ученых, в снижении профессионального уровня оставшихся работать в российских научных организациях, в отсутствии притока молодежи и т.д.

Ситуация усугубляется отсутствием жизненно необходимых для науки инициатив со стороны ее институциональных лидеров, их неадекватностью сложности и остроте стоящих перед наукой проблем, традиционно монопольным их положением в системе управления наукой и блокированием ими в течение полутора десятилетий инициатив ученых («всяких мэнээсов») и государственных деятелей («каких-то чиновников»). При той роли, которую играют в управлении наукой академические корпорации и при среднем возрасте действительного члена РАН, составляющем в настоящее время 72 года, было бы верхом наивности ожидать от «элиты» каких-то инициатив, соответствующих духу времени.

Но деградация науки имеет не просто множество разрозненных проявлений, она системна, имеет свои причины и свой механизм. Деградация национального научного комплекса коренится в системе взаимосвязанных факторов и условий его развития, прежде всего:

- ▶ в утрате наукой социально значимых функций и, как следствие, в расстройстве системообразующих связей науки с обществом, в нарушении обмена деятельностью между наукой и другими сферами жизнедеятельности общества (мало кому в современной России нужна какая-либо наука, а такая наука, которая реально существует, не нужна практически никому);
- ▶ в неадекватности новым условиям существующих форм организации исследований, их финансирования и управления ими;
- ▶ в расстройстве системы государственного управления и государственной поддержки науки;
- ▶ в разрушении механизма подготовки научных кадров, всего механизма воспроизводства научных коллективов, школ, направлений, в целом – научной среды и научного сообщества;
- ▶ в практически полном разрушении отечественного научного приборостроения, обветшании приборной базы науки и расстройстве механизма воспроизводства материально-технической базы науки в целом.

Деградация национального научного комплекса угрожает развитию всего *интеллектуального производства* страны, включая жизненно важные *системы циркуляции научного знания: научно-образовательный и научно-инновационный циклы*. Это ведет к утрате страной преимуществ, которыми она располагает, имея исторически доставшийся ей значительный интеллектуальный потенциал, а также к потере страной исторических перспектив, связанных с возможностью развития высоких технологий на основе национального

научного комплекса. По наиболее радикальным оценкам аналитиков итогом такого развития, с учетом геополитических реалий современного мира, может стать распад страны.

Таким образом, общий «диагноз» состоит в том, что в России происходит не только убывание (количественное сокращение) сферы науки, но и ее качественная системная деградация, ведущая к утрате страной еще имеющихся преимуществ и перспектив.

Преодоление или углубление кризиса?

Кризисное состояние науки в России признается всеми или почти всеми, кто публично высказывается по этому поводу. Расхождения начинаются там, где дело касается объяснения природы и причин кризиса, тенденций его развития в настоящий момент, путей его преодоления.

Применительно к причинам и природе кризиса уже более двух десятилетий сосуществуют два противоположных подхода, питающих затяжную дискуссию. Согласно одному из них, *проблема прежде всего в самой науке, а кризис науки связан с ее объективной неготовностью к переменам*, которые неизбежны при переходе от советской административной системы к современной рыночной системе. «В целом наука, – писал Ю. В. Яременко, – еще в меньшей степени, чем производство, была подготовлена к изменениям механизма ее функционирования»¹. По словам Б. Г. Салтыкова, советская наука – это «по-своему стройная система, приспособленная к той схеме народного хозяйства, которая соответствовала тому периоду времени», но вместе с «началом экономических реформ эпоха советской науки закончилась»².

«Весь научно-технический комплекс РАН по своим масштабам, методам организации и управления был адекватен экономическим возможностям и правилам игры советской административно-командной экономики 1970 – 1980-х годов. Сейчас, когда вокруг РАН развивается рыночная экономика, нарождается совершенно новая национальная инновационная система, и одновременно бюджетные ресурсы РАН, по словам ее руководства, сократились в 5 – 10 раз, – невозможно эффективно функционировать в прежних масштабах и по старым правилам. Давно нужна глубокая структурная реформа Академии. Ее целью должно быть не уничтожение РАН (что мне почему-то регулярно приписывают), а сохранение и развитие этого уникального научно-технического комплекса страны. Спасти его может только продуманная реформа сети организаций, системы управления ими, механизмов распределения ресурсов и экономики самих научных учреждений, а вовсе не увеличение финансирования (например, в 2 раза) при сохранении старых схем и механизмов»³.

Согласно другой точке зрения, *кризис науки является искусственным, рукотворным и вызван сознательным или в силу некомпетентности разрушением научной системы*. «С российской наукой, – говорил в 1996 году в беседе со мной академик В. А. Коптюг, – произошло то же, что и со всей страной... Науку, как и промышленность, стали разваливать»⁴. Академик Ж. И. Алферов писал в 2000 году: «И вот теперь, потерпев поражение на академическом фронте, псевдореформаторы ищут, каким еще образом можно нанести вред российской науке»⁵. Не разделяя данной точки зрения, замечу, что не следует

сводить ее к «теории заговора», хотя и такой упрощенный вариант данного подхода к кризису науки широко распространен.

Из приведенных примеров видно, что конкурируют *два представления* о происходящем. Одно основано на понимании исторического процесса как преимущественно *объективного*, говоря словами К. Маркса, «естественно-исторического» развития. Другое – на понимании исторического процесса как *деятельности людей*, в высокой степени наделенных свободой воли и слабо ограниченных объективными обстоятельствами. Это – спор мировоззрений, даже мироощущений. К этому добавляется спор интересов. Те, кто заинтересован в переменах, тяготеют к первой позиции. Те, кто заинтересован в неизменности прежней системы – ко второй.

По поводу развития кризиса науки также существуют противоположные воззрения. Есть мнение, что и в стране в целом, и в науке дела налаживаются. Так, начиная с 2001 года президент РАН Ю. С. Осипов многократно подчеркивал: «Пора ломки и разрушений заканчивается, и период стабилизации в стране наступает не только на страницах газет»⁶. И еще: «Со вступлением в 2001 г. завершился важнейший и очень тяжелый период развития нашей страны. Пора ломки и разрушений заканчивается. Наступает время стабилизации, строительства и оживления»⁷. На основе этой оценки выстраивается следующая схема рассуждений: наука сильно пострадала за период реформ, но ситуация постепенно нормализуется. Ю. С. Осипов так и пишет: «Преобразования конца 80 – 90-х годов, проводившиеся в стране, нанесли научно-техническому комплексу огромный урон: ресурсный, кадровый, моральный, психологический», но «ситуация в науке стала улучшаться с 1999 года»⁸.

Но есть и противоположное мнение, согласно которому кризис науки не только не преодолевается, но, напротив, продолжает усугубляться. По словам С. Ю. Глазьева, «за последние годы научный потенциал России, сосредоточенный в РАН, изрядно подорван», и, что особенно важно, «возможности сохранения и развития российского научно-технического потенциала быстро сокращаются»⁹.

Когда же дело доходит до обсуждения путей преодоления кризиса, то позиции оппонентов буквально поляризуются. Так было в первой половине 1990-х годов, когда министром Б. Г. Салтыковым реально проводилась политика реформирования сферы науки, что вызывало противодействие консервативных сил. Так происходит и сейчас, особенно начиная с осени 2004 года, когда Министерство образования и науки РФ провозгласило новый реформаторский курс и вызвало этим активизацию антиреформаторских сил.

Россия, в силу объективных сложностей, непоследовательности реформаторов, а также устойчивого противодействия реформе со стороны консерваторов, все еще далека от сформулированной еще в начале 1990-х годов цели – сформировать новую *модель* науки (включая и комплекс фундаментальной науки), модель, которая соответствовала бы современной рыночной среде, отвечала бы критериям эффективности, способствовала бы глубокой интеграции науки с высшим образованием и инновационной направленностью научно-образовательного комплекса. Затруднены, в частности, формирование нового *механизма управления* научным комплексом, создание эффективного *механизма финансирования* науки, распространение современных форм организации научных исследований, адекватных реалиям рыночной экономики, масштабу и характеру современных вызовов.

Реформа как способ преодоления кризиса

Отношение к реформе науки является самым важным водоразделом в позициях участников многолетней дискуссии о путях сохранения, развития и использования науки в России. Вопрос о реформе делит научное и управленческое сообщество на реформаторов и антиреформаторов. Разумеется, как это обычно бывает, часть людей пытается одновременно ладить с той и другой позициями, мимикрируя в зависимости от ситуации.

Реформаторскую позицию неоднократно излагал признанный лидер и идеолог реформаторского движения в российской науке Б.Г. Салтыков, по мнению которого «сегодня реформа нашей науки в конечном счете упирается в реформу академического сектора»¹⁰. На октябрьском (2004 год) заседании Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию В.В. Путин говорил: «Ни у кого нет желания разрушать Российскую академию наук, но надо понимать, что она создавалась в другом государстве, при другой экономике. Наша задача сохранить ее как систему, приспособить к сегодняшней жизни, чтобы не растворилась в водовороте последующих событий»¹¹.

Антиреформаторские настроения редко выражаются так же ясно и определенно. Гораздо чаще можно встретить лукавые высказывания, в соответствии с которыми антиреформаторства вовсе не существует, его выдумывают для дискредитации заслуженных и уважаемых людей, которые, в отличие от безответственных реформаторов, предлагают взвешенные подходы и решения. Так, по словам члена-корреспондента РАН Ю.Назмеева, «сегодня столкнулись здоровый консерватизм научной общественности и реформаторский напор чиновников»¹². Но факт существования антиреформаторской позиции (именно антиреформаторской, а не «здорового консерватизма») можно подтвердить документально. Достаточно просто привести несколько высказываний представителей академической элиты.

«Реформировать академии – это надо быть больным, чтобы такое предлагать»¹³, – полагает академик А. Воробьев. «Вы знаете, – говорит в одном из своих интервью академик Ж.И. Алферов, – когда-то академик Арцимович сказал: “В России есть две структуры, которые совершенно не подвержены реформам и не могут быть реформированы никогда, – это церковь и Академия наук”»¹⁴. Впрочем, такое откровенное выражение корпоративной позиции в академической среде встречается довольно редко. Нужно быть благодарными тем из академиков, кто решается честно заявлять свою корпоративную позицию, поскольку это помогает понять, почему в России до сих пор так и не осуществлена реформа науки.

Если открыто формулировать свои антиреформаторские унастроения не принято, то выражать их в иносказательной форме считается правилом хорошего тона. Чаще всего это делается в форме подмены слова «реформа» словами типа «разрушение» или «уничтожение». Так, при обсуждении проекта «Концепции участия РФ в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки», подготовленного Министерством образования и науки РФ осенью 2004 года, прозвучало много характерных высказываний. По словам академика В.Е. Фортова, «идет планомерное уничтожение науки. Мы прекрасно понимаем, что такие бумаги не с потолка падают, тем более, что концепция прошла коллегии Минобрнауки и Минэкономразвития. Дальше она попадет в правительство – и привет»¹⁵. По словам академика Н.А. Платэ,

в «концепции» содержится «с одной стороны, ложь, с другой – стремление низвести академическое сообщество до самого низкого уровня»; «не следует обманывать себя, это сознательная холодная линия группы людей. Их цель ясна, это приватизация академии и получение экономической выгоды»¹⁶. По мнению академика Г.А. Месяца, «концепция» означает «объявление тотального наступления на фундаментальную науку: распродажу институтов, в том числе академических, с детально прописанными в этом документе механизмами приватизации»¹⁶. «Истинная цель реформаторов науки, – говорит С.Ю. Глазьев, – разделив Академию наук на два сектора – бюджетный и экономический, установить над ними контроль. Институты, работающие за счет бюджетных ассигнований, будут подчинены Министерству образования и науки, а выполняющие коммерческие исследования – приватизированы. Сама же Академия утратит контроль над собственностью академических институтов и будет низведена до уровня элитарного клуба ученых»⁹.

Лишь под большим давлением лидеры академической корпорации вымучивают из себя хоть какие-то, пусть и двусмысленные, слова о поддержке реформы. Так, после заседания Совета безопасности России (июнь 2006 года), отвечая на вопрос журналиста об отношении к словам главы Правительства РФ «надо в кратчайшие сроки реформировать Академию наук», президент РАН Ю.С. Осипов загадочно произнес: «Если реформа делается в интересах дела, то я с этим предложением согласен»¹⁷.

Номенклатурный консерватизм – преграда на пути реформы

Кроме многочисленных разрозненных, зачастую путаных, антиреформаторских высказываний, иногда встречается ясное системное изложение последовательного отрицания реформы и обоснование этого отрицания. Так, в конце 2000 года академик Н.А. Платэ опубликовал доклад «Наука и российское общество на рубеже веков»¹⁸, последовательно и логично выдержанный в рамках антиреформаторского аристократического подхода, характерного для академической корпорации.

«Известно, – пишет Н.А.Платэ, – что людская масса – это довольно инертная агломерация, и весь прогресс в истории человечества направляется 1–2 процентами наиболее умных и инициативных людей». Не комментируя данное высказывание, подтвержденное автором лишь словами «как известно», замечу, что подобное академическое высокомерие переносится научной «элитой» и на само научное сообщество. Так, академик А. Спирин говорит: «Настоящая наука – это все-таки результат деятельности одиночек, талантливых, гениальных людей, “аристократов духа”, способных к озарениям». На вопрос корреспондента: «Получается, главная беда в том, что наукой занимается слишком много народу, и не только в России, но и во всем мире?» уважаемый академик отвечает: «Есть такая точка зрения, и в принципе я ее поддерживаю. Массовости в науке не должно быть. Чем занимаются сегодня 99 процентов ученых? На стандартном оборудовании штампуют стандартные работы»¹⁹. Этот подход, кстати, объясняет отношение академической номенклатуры к научной «массе» – всяким что-то штампующим «сэнээсам» да «мэнээсам».

Академику А. Спирину можно было бы ответить словами академика Е. П. Велихова: «А ведь младшие научные сотрудники – именно та база, на которой вырастает наука. Когда они совсем исчезнут, нынешние академики соберутся на свое последнее собрание, извините, на кладбище. Поверьте, это не гипербола»²⁰.

Но вернемся к логике академика Н. А. Платэ. Положение упомянутых им «наиболее умных и инициативных людей» в России неправильное. «Как-то так исторически сложилось, – пишет академик, – что в России не пользовались большим авторитетом люди с незаурядным интеллектом, носители нравственности и гуманизма». И это, по его мнению, относится не только к истории, но и к современности: «Мы в России, – пишет он, – в историческом плане вообще не воспринимаем уроки прошлого...»¹⁸.

Примером исторической необучаемости России, по мнению Н. А. Платэ, может служить отношение к науке, и особенно к РАН, в последнее десятилетие XX века: «Наука выпала из числа государственных приоритетов...»; «Непонимание государственным руководством цели, места и роли науки в современном мире привело у нас в России к резкому сокращению расходов на это. Тема эта трагическая...». «Российскому обществу, как мне представляется, сейчас крайне нужны точки опоры, опоры в плане надежности, моральной, нравственной и психологической, в плане некоего постоянства прогнозируемых действий, уже зарекомендовавшего себя в течение длительного времени, чтобы не потеряться в этом быстро меняющемся мире с его не всем понятным Интернетом, финансовыми катаклизмами, тяжелой рокмузыкой и эстрадными шоу».

РАН, по мнению Н. А. Платэ, как раз и «могла бы служить подобного рода опорой и общества, и государства» в условиях засилья «Интернета» и прочих перечисленных напастей. РАН способна быть такой опорой, во-первых, потому, что обладает «удивительной живучестью», доказанной 277 годами своего существования, а во-вторых, РАН исторически неизменна и принципиально неадаптируема. «Я слышал, – пишет Н. А. Платэ, – удачное, как мне кажется, определение, что Академия – “инвариантна” по отношению к изменяющимся внешним условиям». В этом тезисе об инвариантности академии к внешним условиям вся суть антиреформаторства и аристократического снобизма академической корпорации.

К счастью, с инвариантностью все не так непоправимо, иначе РАН давно разделила бы участь одного известного корабля, инвариантного к внешним условиям («Титаник» называется). Но, к несчастью, гибельное влечение быть инвариантным по отношению к «изменяющимся внешним условиям», образуемым жизнедеятельностью 98 – 99 % населения, не входящего в клуб «наиболее умных и инициативных», имманентно присуще аристократическому мироощущению академической корпорации. И российская наука оказалась заложницей этих, уже почти погубивших ее, умонастроений.

Любая попытка со стороны государства или ученых заговорить о реформе национальной научной системы, что в принципе невозможно без реформы РАН, получает жесткий отпор с позиций аристократической идеологии. Так, по словам Н. А. Платэ, «странно слышать со стороны, казалось бы, интеллигентных людей, что академия наук устарела, ее-де надо кардинально реструктурировать, а еще лучше ликвидировать как пережиток “проклятого прошлого”, всю науку сосредоточить в университетах (так-де имеет место во

всем мире), а институты – половину закрыть, а половину пустить в свободное плавание по волнам так называемой рыночной экономики». (Заметим мимоходом, что даже рыночная экономика характеризуется уважаемым автором как «так называемая»)¹⁸.

Так же определено, как «казалось бы, интеллигентным людям», на дверь указывается и государству, если оно вздумает иметь свой взгляд на науку – «ученым академии удавалось часто успешно противостоять нажиму властей». Важно только, по мнению автора, чтобы «единое понимание стратегических путей развития российского общества» было в кругу «наиболее умных и инициативных», которые «должны настойчиво и терпеливо убеждать власть имущих в необходимости делать то, что правильно».

Академическая элита и государство

Аристократическая идеология предполагает *принижение*, с одной стороны, *роли государства*, с другой стороны – *роли научного сообщества*. Академическая корпорация претендует одновременно и на то, чтобы перед научным сообществом выступать от имени государства как квазигосударственный орган управления, и на то, чтобы выступать перед государством в качестве организованного научного сообщества страны. Происходит неправомерная подмена академической корпорацией как государства, так и научного сообщества, поскольку академическая корпорация не является ни тем, ни другим, а является именно *корпорацией со своими специальными интересами*, отличными от интересов государства и интересов науки. «Все последние 10 лет, – говорит Б. Г. Салтыков, – одно и то же. Мощное, сильное ведомство – Российская академия наук (РАН) – стремится усилить свое политическое, экономическое влияние на власть»²¹.

Претензии академической корпорации на управление всей российской наукой, фактически на роль органа государственного управления, прямолинейно и незатейливо изложил академик Г. В. Осипов. «Вряд ли, – пишет он, – целесообразно сохранить под любым новым названием Министерство науки. Сохранить это министерство – значит ставить науку в зависимость от чиновников от науки. Посредническая деятельность между Академией наук и правительством должна быть устранена. Координационную деятельность между различными областями науки – академической, университетской, отраслевой и общественной – могла бы осуществлять Российская академия наук»²².

Понимание независимости Академии наук, имеющей «государственный статус», от государства ясно выразил академик В. Л. Гинзбург: «Какое еще государственное управление наукой? Президент Путин утверждает силовых министров. Он что, будет утверждать нашего Юрия Сергеевича? Полная чепуха!»¹⁶.

Подобный взгляд на «правильные» взаимоотношения академической корпорации с Президентом РФ излагает академик Ж. И. Алферов. Характеризуя свое личное «предложение о создании Совета по научно-технической политике при Президенте РФ», он пишет: «Дело не в том, что мы хотим проталкивать какие-то проекты, а в том, что ведущие ученые страны могли бы два-три раза в год информировать Президента страны, главу государства о состоя-

нии, о возможностях науки, технической политике в стране и воздействовать таким образом на принятие соответствующих мер»¹⁴.

Это очень характерное для академической корпорации понимание своей роли в государстве, что-то вроде должности «тайного нашептывателя в ухо» из сказки про Буратино. Это – совсем не предложение взять на себя обязанности и ответственность. (Показательно, что в этом же интервью, отвечая на предположение о министерском poste для него, академик Ж. И. Алферов говорит: «Прежде всего я отказался бы стать министром – это работа, между прочим временная...».) Спору нет, пожизненная привилегия без особых функций (два-три раза в год информировать и воздействовать) приятнее реальной работы, да еще временной.

Но зачем же для этого непременно создавать орган при высшем должностном лице государства? Выдающиеся ученые (то одни, то другие) по мере надобности и без этого могли бы периодически «информировать» главу государства. Нет, должность, орган важны. И важны не тем, что позволяют информировать, а *монополией* на право информировать, привилегированным правом «информировать и воздействовать».

Эта же логика лежит в основе часто звучащего из недр академической корпорации предложения о закреплении за РАН статуса органа, осуществляющего экспертизу государственных решений. По этой логике государство должно раз и навсегда отказаться от своего права привлекать разных экспертов на общих основаниях, а вместо использования преимуществ конкурентной среды установить монополию одной организации на право экспертизы.

Бунт в академической корпорации

В научном сообществе, и даже в самой академической корпорации, назревает протест против существующего устройства управления внутри академической корпорации и проводимой академической корпорацией политики. Этот протест обычно адресован либо персоне президента РАН, либо Президиуму РАН, либо всей академической корпорации.

Примером первого может служить критика С. Ю. Глазьевым деятельности президента РАН Ю. С. Осипова. Президент РАН, по мнению С. Ю. Глазьева, персонально ответственен за «дремучее состояние», во-первых, отечественной науки, во-вторых, государственного управления наукой. «Я думаю, – говорит С. Ю. Глазьев, – что значительная доля ответственности за это дремучее состояние российской науки лежит на президенте РАН Юрии Осипове... Возможно, он успешно лоббировал частные ведомственные интересы... Но Академия наук – это не теплое местечко, а мозг нации, который должен указывать государственному организму правильный путь развития»²³. И еще: «Я думаю, – пишет С. Ю. Глазьев, – что значительная доля ответственности за это дремучее состояние российской власти лежит на президенте Российской академии наук, которым с ельцинских времен остается Юрий Сергеевич Осипов. Я помню, с каким энтузиазмом научная общественность страны встретила включение президента РАН в состав правительства России в 1993 году. Казалось, что предложения российских ученых, наконец, будут услышаны и востребованы властью. Но этого, к сожалению, не произошло. Кому, как не президенту РАН, вхожему не только в правительство,

но и к президенту России, следует защищать и продвигать позиции научного сообщества страны?»⁹.

Примером критики всего Президиума РАН могут служить публикации академика В.Л. Гинзбурга. «Я член РАН уже 48 лет, – писал в 2001 году В.Л. Гинзбург, – и присутствовал на очень многих Общих собраниях АН СССР и РАН. И вот красной нитью через все собрания проходит одна и та же тенденция – уменьшение права Общего собрания; все, что можно передать, а правильнее сказать, захватить, переходит в ведение Президиума»²⁴. Через год В.Л. Гинзбург вновь пишет, что «в последние годы Президиум РАН явно снижает роль Общего собрания и, по сути дела, узурпирует его права». И еще: «Возмущен же я именно тем, что Президиум РАН присваивает себе функции, которые ему не принадлежат... Такая тенденция тем более недопустима сегодня – в условиях, когда наша страна перешла от диктаторской формы правления к демократической, пусть и несовершенной»²⁵. По словам академика Е. П. Велихова, «положение в российской науке очень тяжелое. Одна “утечка умов” чего стоит. Однако Президиум Академии наук не принимает, на мой взгляд, необходимых мер. Я предлагал свою достаточно радикальную программу перестройки управления наукой. Она не вызвала энтузиазма»²⁶.

Внутри академической корпорации есть критика не только персоны собственного корпоративного лидера (президента РАН) и не только собственного корпоративного органа управления (Президиума РАН), но и критика всей корпорации (в том числе Общего собрания РАН) и системы управления академической наукой со стороны академической корпорации. Эта критика не такая жесткая, как критика академической корпорации («академиков») со стороны академических и неакадемических ученых, но факт ее существования даже внутри академической корпорации важен и показателен.

Есть много объяснений того, почему академическая корпорация не может найти решений, адекватных глубине проблем. Об этом размышляет академик Е. П. Велихов в интервью «Сила Академии не в количестве академиков». «Сегодня главная проблема академии – возраст ее членов. Иначе как почтенным его не назовешь. А старые люди боятся сделать шаг вправо-влево, чтобы хоть как-то выжить в ситуации, когда государство перестало платить, когда рухнули все устои»²⁰.

«Не перестаю удивляться академическим собраниям, – пишет академик В. Е. Накоряков. – Благостная обстановка, сверхоптимистические речи. Мол, мы выжили, приспособились, и дальше все будет замечательно. Так ли?.. Если внимательно прислушаться к докладчикам, то нельзя не заметить, что говорят больше о финансах и очень мало о самой науке, о крупных научных достижениях... Да, Академия наук выжила. Как госучреждение со своими штатами, подразделениями и должностной иерархией. А академическая, то бишь фундаментальная наука угасает. Правда, опытные докладчики пытаются выдать за крупные достижения заурядные разработки... А вот если об Академии наук судить по числу академиков и членов-корреспондентов, то тут прогресс налицо»²⁷.

Но особенно часто члены академической корпорации говорят о всяческих отдельных несообразностях, не акцентируя внимание на ответственности за это президента РАН, Президиума РАН или всей академической корпорации. Так, академик В. М. Бузник начинает статью «Инновационная система РАН» словами: «Оценивая инновационную систему Российской академии наук,

приходится ставить под сомнение существование такой системы»²⁸. И совсем убийственно: «Инновационные структуры появились в вузах лет 10 назад, а в РАН само понятие «инновации» стало использоваться только последнее время»²⁸.

Член-корреспондент РАН М. В. Ковальчук говорит о развитии комплексных исследований, в том числе и применительно к наносистемам, и в связи с этим о «необходимости новой схемы организации исследований». «Однако, – говорит он, – существующая система организации науки не только у нас, но и повсюду в мире – для подобных работ не приспособлена»²⁹. И хотя проблема существует «повсюду в мире», там, где РАН, проблем с развитием «сетевой структуры», как водится, больше: «И сдерживает, как ни странно, сама наука. Точнее, ее организация, сложившаяся за многие годы». Но не везде организация науки, как в России, мешает развитию сетевых структур – «Именно так и делается на Западе, где группы исследователей из разных институтов – а нередко они работают в разных странах – связаны одной программой»³⁰.

Научное сообщество против академической номенклатуры

Если публичная критика всей академической корпорации кем-либо из ее членов является довольно редким явлением, то критика со стороны научного сообщества, и прежде всего со стороны академических ученых, огромна и разнообразна. Несмотря на это, в академической корпорации широко распространено мнение, что «никаких серьезных разногласий между научным сообществом и его элитой – членами Академии нет»³¹. Критика ученых касается системы растлевающих науку льгот и привилегий, злоупотреблений, неэффективности управления, отставания от запросов жизни и т.п.

Так, часто и многими указывалось, например, на расцвет в РАН псевдоконкурсов и квазиэкспертизы. Доктор химических наук В. С. Арутюнов в статье «Академическая верхушка богатеет» пишет: «Пора, видимо, что-то менять в сложившейся системе управления наукой, при которой администраторы, эксперты и исполнители сплошь и рядом совмещены в одном лице. Уже никто не ощущает нелепости, когда эксперт сам разбирает свою работу и сам выносит по ней заключение»³². Председатель профсоюза работников РАН В. Соболев пишет: «Если называть все своими именами, то многие из экспертов, кто был призван проводить конкурсы, по сути, распределили деньги между своими коллективами. Поэтому мы требуем – необходима четкая система оценок, прозрачность, контроль»³³.

Помимо подобной жесткой критики важных, но отдельных аспектов положения, роли, политики академической корпорации существует и целостное радикальное отрицание учеными самой системы правления академической корпорации, существует требование реформы системы управления наукой.

После появления в конце 2004 года нашумевшего доклада С. А. Белановского «Оценка состояния Российской академии наук» его консервативные критики буквально обрушились на, видимо, неожиданные для них выводы исследования, в том числе и на вывод о том, что преобладающая часть научных работников РАН требует реформы организации науки и именно в части Академии наук. Но ведь исследования социологов, в том числе и лично совершенно лояльных академической корпорации, давно выявили

это настроение ученых, которое с годами становится только более радикальным. Еще в 2000 г. Е.З. Мирская в статье «Российская академическая наука в зеркале социологии» на основе серии социологических исследований 1994–1999 годов писала: «О необходимости реального, а не провозглашаемого *реформирования науки* заявили около четырех пятых опрошенных; при этом несколько меньшая группа (38%) поддержала идею радикальных реформ, а большая (44%) выбрала стратегию медленных, постепенных преобразований»³⁴. Упомянутые «около четырех пятых» – это, кстати, 82% (38+44) академических ученых. Исследование С.А. Белановского лишь подтвердило это положение дел.

Академическая номенклатура делит академическое сообщество на «членов Академии» и «ее сотрудников». По словам Ю.С. Осипова, их взаимоотношения выглядят так: «Все они (фундаментальные знания. – Е.С.) получены членами Академии и ее сотрудниками»⁷. Именно так: фундаментальные знания производят не просто ученые и научные коллективы, а академическая иерархия – *члены академии* и ее *сотрудники*. Это очень характерный взгляд на реальное научное производство. Любой значительный результат должен быть привязан к «члену Академии».

Но соотношение производительности работающих ученых и научной номенклатуры весьма непростое. Показателен рассказ Е.Т. Гайдара о работе в 1984 г. Комиссии Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию управления народным хозяйством и собственно научной секции Комиссии. Возглавлял секцию, состоящую из директоров институтов, академик Д.М. Гвишиани. Е.Т. Гайдар говорит: «Для вас, наверное, не является загадкой, что академики сами ничего не пишут, в лучшем случае – правят. Поэтому реально надо было кому-то работать»³⁵.

Если члены корпорации считают такое положение естественным, то «сотрудникам» оно видится иначе. В статье «Ретрограды против шарлатанов» Э.В. Вейцман пишет: «Давным-давно известно, если ты получил какой-то по-настоящему ценный результат и не имеешь при этом солидного положения в нашем научном мире, то бери в соавторы кого-нибудь из научных авторитетов в данной области знаний, поделись, иначе полжизни, если не всю, положишь на преодоление бесчисленных препятствий, пытаясь добиться официального признания. И неизвестно, каким будет конечный результат. Могут ведь по ходу дела и позаимствовать у тебя кое-что, и иди, доказывай потом свой приоритет»³⁶.

П. Горяинов уточняет взаимоотношения между членами Академии и ее сотрудниками с помощью термина «*наемные*» *сотрудники*. И, говоря о «принципах взаимодействия между членами РАН и ее наемными сотрудниками – теми, кто, собственно, и производит основную научную продукцию», он так характеризует роль академической корпорации: «В моем кругу наших академиков называют не маяками, а бакенами – прямое столкновение с ними или их кланами ничего хорошего для авторов новой идеи или даже направления не сулит». По его словам, «наши генералы от науки, представляя на мировых форумах разного уровня, скорее имитируют прогресс отечественной науки, чем способствуют ему».

П. Горяинов так резюмирует свои размышления о ложном статусе академической корпорации: «Ни одна развитая страна, чей научный уровень определяется значительным, несопоставимо большим, чем в России, количеством

нобелевских лауреатов, не имеет в государственной структуре «штатных» академиков. Это и понятно: науке, ученому прежде всего, штаб не нужен. Штабы с их монополиями на правильные идеи целесообразны для армии, но не для науки. Свой уровень здесь нужно подтверждать постоянно, никаких прямых благ и привилегий, кроме авторитета, прежние достижения там не дают»³⁷.

Показательно, что в России девальвация эпитета «академический» произошла в глазах не только ученых, но и всего общества. Так, О. Табаков убрал из названия МХАТ слово «академический» (теперь, как и в досоветское время, МХТ). О. Табаков так объясняет данное изменение: «Идея очень простая. Мне кажется, это порождение социалистических времен, слово “академический” устанавливало некую иерархию театров. Отцы-основатели не предполагали создавать академию, уж за это я голову на отсечение дам. А по смыслу я и не понимаю, что значит академический театр. В смысле – мертвый? В смысле – неприкасаемый?»³⁸. Это характерное замечание: в обычном понимании академический – значит нежизненный или привилегированный.

Научное сообщество за реформу

Ясно, что «члены Академии» и «наемные сотрудники» существенно расходятся в предложениях о совершенствовании организации науки. Типичным примером практических предложений с позиций академической корпорации может служить следующий пассаж академика Г. В. Осипова о государственной поддержке «Российской академии наук и академической науки». «Для этого, – пишет он, – необходимо:

- ▶ восстановить финансирование РАН на уровне финансирования АН СССР;
- ▶ соответственно восстановить заработную плату действительных членов и членов-корреспондентов РАН, докторов и кандидатов в размерах, пропорциональных установленным ранее в АН СССР. Систематически проводить индексацию заработной платы ученых. Желательно, со временем, восстановить статус академиков и членов-корреспондентов РАН, существовавший в Императорской Академии наук. Кстати, в Академии наук СССР действительному члену обеспечивались все условия для занятия научной деятельностью: помимо выплаты за звание, квартиры, дачи, выделялись семь вакансий для создания исследовательской группы или лаборатории. Впоследствии это было как-то незаметно отменено»²². Оставляю данные предложения без комментариев, скажу лишь, что это – полный перечень «необходимых» для возрождения науки мер, предложенных уважаемым академиком.

Несколько иначе выглядят предложения «наемных сотрудников». Так, П. Горяинов предлагает: «*Первое*. Прекратить финансирование РАН отдельной строкой бюджета. Академия должна прекратить функционирование как второе Министерство науки... *Второе*. Прекратить доплаты за членство в Академии, предварительно увеличив пенсии (может быть, даже в 10 раз). *Третье*. Финансирование научных фондов, государственных стипендий, конкурсных проектов в объеме федерального бюджета осуществлять толь-

ко через Министерство науки... причем финансировать необходимо непосредственно институты и творческие группы, минуя промежуточные звенья академической бюрократии»³⁷. П. Горяинов резюмирует: «В обсуждении сложившейся проблемы существуют еще более жесткие, чем высказанные мною, оценки. Но все теперь ясно понимают, что изнутри Академию не реформировать»³⁷.

Если основной рефрен многочисленных выступлений академиков – увеличение бюджетного финансирования РАН, то производительная часть научных работников смотрит на это как на, во многом, пустое дело из-за порочной системы организации науки, хотя именно эти ученые реально страдают от недостаточного финансирования. Рефрен выступлений этой части научного сообщества – реформа, причем *реформа извне*.

«Есть ли надежда, – пишет В.С. Арутюнов, – что Академия сможет реформировать сама себя в соответствии с масштабом нарастающих проблем? Вряд ли это проще, чем самому себя высечь. В финансовой сфере в подобной ситуации государство назначает внешнего управляющего. А на Западе, который мы так любим ставить себе в пример, давно уже поняли, что управление наукой – слишком серьезное дело, чтобы доверять его самим ученым»³². Увеличение финансирования науки без кардинального ее реформирования, по мнению многих ученых, само по себе ничего не даст. «Но представим себе на минуту, что государство “повернулось лицом к науке” и увеличило объем финансирования ну хотя бы до пресловутых 4% расходной части бюджета... Неужели вы верите, что это коренным образом изменит судьбу отечественной науки? Скорее всего, значительная часть этих денег пойдет на оплату еще более возросшей “сложности и напряженности” труда аппаратных работников»³².

«Коммерсантъ» в редакционной статье констатирует: «РАН на протяжении всего постсоветского периода упорно подвергала анафеме любые перемены, которые помогли бы науке адаптироваться к реалиям сегодняшнего дня». И еще: «Академия в ее нынешнем виде действительно стала препятствием для любых реформ, и если это препятствие не убрать, то уже через несколько лет реформировать будет нечего»³⁹. По словам Б.Г. Салтыкова, «сейчас вопрос стоит жестко: либо, чтобы сохранить академическую систему, надо пожертвовать статусными привилегиями части элиты, либо фактически в жертву будет принесена вся система»¹⁰.

«Главная проблема, – говорит Б.Г. Салтыков, – о которой упоминает и российский президент, очевидна: в РАН совмещены две ипостаси. Во-первых, это уникальное сообщество ученых (как Французская академия, Лондонское Королевское общество и т.д.), оно в любой стране может быть – должно быть и в России; и одновременно это ведомство – мощное, абсолютно советское ведомство, которое по-прежнему, по-старому в основном, распределяет ресурсы и управляет своими организациями»¹⁰. Эту проблему прекрасно понимают и умеющие мыслить интересами науки представители академической корпорации. Так, академик В. Е. Накоряков пишет: «Вероятно, Академии когда-нибудь придется отказаться от дуализма, который в нынешней ситуации кажется скорее недостатком, чем достоинством. Известно, что отечественная Академия много лет играла две роли. Это – авторитетное общество, объединяющее выдающихся ученых из всех отраслей и организаций, так или иначе связанных с наукой. И система крупных институтов... Я не

призываю к скоропалительным радикальным мерам, какие принесли немало вреда стране. Но давно пора решиться хотя бы на открытую дискуссию о том, что делать с дуализмом»²⁷.

Через несколько лет академик В. Е. Накоряков вновь возвращается к проблеме клуба и ведомства. Он вновь пишет о «двойственной структуре» РАН («одновременно «Министерство науки» и объединение лучших ученых России») как о нерешенной проблеме и пишет о необходимости разделения РАН на организацию, подобную Лондонскому Королевскому обществу или Французской академии наук, с одной стороны, и на «государственную структуру финансирования академических институтов». «Я убежден, что такая эволюция РАН должна произойти, но на это требуется значительный промежуток времени, – заключает В. Е. Накоряков»⁴⁰.

Менее деликатно о том же самом пишет доктор химических наук В. С. Арутюнов, по выражению которого, «все-равно рано или поздно придется решать, что для России важнее – сохранить в качестве “национального достояния” исторически сложившуюся систему управления наукой или иметь науку, соответствующую ее геополитическому потенциалу и амбициям»³².

Пожалуй, есть лишь один аргумент против реформы, на который у научного сообщества и, признаюсь, у меня лично нет ответа, – это ирония по поводу тщетных надежд ученых на возможность более справедливого устройства науки. Так, академик Н. Л. Добрецов иронично характеризует «популярные в начале перестройки тезисы борьбы с привилегиями академиков и аппарата РАН с помощью некоего другого министерства, которое все будет решать по справедливости»³¹.

По поводу идеального «министерства, которое все будет решать по справедливости», действительно, существует большой вопрос. Но если оставить все так, как есть, то охраняемая академической корпорацией инерция постепенной деградации науки сделает свое разрушительное дело. В осмысленных же переменах все-таки есть не только риск, но и надежда, и шанс на успех. А осуществить какие-либо перемены без «министерства» невозможно, поскольку отстранить академическую корпорацию от управления наукой, а следовательно, и попытаться остановить инерцию разрушения, сейчас могут лишь госчиновники. Другой социальной силы просто нет. Самоорганизация научного сообщества оказалась для этого слишком слаба, в том числе и из-за подавления ее зачатков академической номенклатурой.

Основные идеологии развития науки в России

В современном российском обществе есть две социальные силы, твердо знающие чего они хотят. Это – чиновничество и предприниматели. Конечно, есть и зачатки гражданского общества, но оно, к сожалению, является скорее фоном для этих исторических персонажей, чем самостоятельным субъектом драмы.

На поле науки наблюдается то же самое. Есть государственное чиновничество и предприниматели со своими интересами и видением научно-технического развития. Есть научная аристократия и бюрократия (самоназвание: «научная элита», или «элита научного сообщества») – фактически номен-

клатурное сословие с собственными специальными интересами. И есть, наконец, научное сообщество, не «элита», а собственно научное сообщество, состоящее из ученых, производящих научное знание.

В действительности значительная часть академической корпорации также участвует, особенно если говорить в прошедшем времени, в производстве научного знания и входит, таким образом, не только в состав научной номенклатуры, но и в состав научного сообщества. Но в социальном смысле эта группа ведет себя не столько как часть научного сообщества, сколько как часть научной номенклатуры.

Можно выделить четыре вполне оформившиеся идеологии развития науки в России, отражающие позиции основных действующих на этом поле и имеющих заинтересованную и осмысленную позицию по отношению к фундаментальной науке социальных сил, делающих акцент либо на *сохранении*, либо на *использовании*, либо на *развитии* научного потенциала.

Академическая номенклатура в качестве безусловного приоритета чаще всего называет необходимость сохранения научного потенциала (чаще: сохранения собственно институций и традиционных организационных форм науки). В этом отношении показательно, что в заголовок пространного интервью президента РАН Ю.С. Осипова, подытоживающего почти 15 лет своего президентства, вынесены его слова: «Горжусь, что нам удалось сохранить Академию»⁴¹. Ответом на эту гордость могли бы послужить слова другого академика, также вынесенные в заголовок его интервью: «Академия наук жива, а жива ли академическая наука?»²⁷ Государственное чиновничество и бизнес ориентированы чаще всего на использование научного потенциала (точнее, результатов научных исследований). Причем интересы бизнеса в основном ограничиваются уровнем прикладных исследований, тогда как государственные чиновники понимают использование науки в более широком смысле. Ученые, составляющие производительную часть научного сообщества, имеющие наименее явно формулируемую позицию, настроены, тем не менее, прежде всего на развитие научного потенциала.

Вектор перспективной государственной политики по отношению к фундаментальной науке лежит в плоскости *сочетания идей использования и развития* научного потенциала, т.е. в опоре государства и связанного с ним отношениями частно-государственного партнерства бизнеса на созидательные устремления производительной части научного сообщества.

Понимание различными социальными силами смысла управления наукой также сильно различается и характеризуется акцентированием либо на идее *монополии*, либо на идее *управляемости*, либо на идее *самоорганизации*.

Академическая номенклатура более всего обеспокоена сохранением своего традиционного монопольного «права» на управление фундаментальной наукой. Госчиновничество, представляющее интересы собственника, озабочено преимущественно управляемостью научного комплекса и научного процесса (приоритеты, госзаказ, планы, отчеты, аттестации и аккредитации, укрупнения и разукрупнения). Для бизнеса управляемость также является приоритетом. Производительное научное сообщество постоянно генерирует идеи самоорганизации (возможность инициативных проектов, конкурсы, экспертиза и принятие решений о судьбе проектов самими учеными, выборность научных руководителей различного уровня).

Вектор перспективной государственной политики по отношению к фундаментальной науке лежит в плоскости *сочетания идей управляемости и самоорганизации*, т.е. в отыскании и постоянной корректировке оптимального баланса государственного управления наукой и самоорганизации научного сообщества с обязательным участием в этом процессе бизнеса.

Этот вектор предполагает создание конкурентной среды и правил взаимодействия в данной среде, системы конкурсного отбора проектов и программ, института независимой экспертизы, проектной формы организации фундаментальных исследований, определение государственных и собственно научных приоритетов, преодоление ведомственной разобщенности отдельных частей фундаментальной науки.

Этот вектор исключает монополию, оправдываемую рассуждениями об опасности «распыления» средств и о благотворности «концентрации» всех управленческих функций и всех финансовых потоков в одних руках.

Таким образом, мы имеем четыре весьма разных подхода, претендующих на право выражать вектор государственной научной политики. Все эти подходы имеют определенный смысл. Из их комбинации и переработки при определенных условиях могла бы получиться осмысленная и вполне перспективная государственная научная политика. Это в том случае, если в ее основу были бы положены программа «развития» и «использования», сочетание «управляемости» и «самоорганизации», т.е. если бы реализовывались цели, формулируемые производительным научным сообществом и госчиновничеством, наиболее адекватно выражающими и логику развития науки, и потребности общества (прежде всего, конечно, государства) в науке. Эта политика обязательно должна учитывать интересы бизнеса и гражданского общества.

Опасна для страны и науки лишь комбинация идеологий «сохранения» и «использования», «монополии» и «управляемости», то есть союз чиновничества и научной номенклатуры, поскольку первое все еще порой принимает последнюю действительно за элиту научного сообщества, а то и вовсе за само научное сообщество, по старинке часто именуемое «научной общественностью». Этот вариант «государственной» научной политики является совершенно тупиковым. Но в последние годы в государственном аппарате заметен скепсис по поводу научной номенклатуры, преобладает установка на сотрудничество власти собственно с учеными. Так, один из руководителей Министерства образования и науки пишет: «Вектор государственной политики по отношению к науке состоит в опоре не на охранительные умонастроения научной геронтократии и “прикормленных” ею профсоюзных активистов, а на созидательные устремления производительной части научного сообщества»⁴².

Академическая номенклатура действительно продуцирует и настойчиво отстаивает корпоративный вариант научной политики с вектором, устремленным в безвозвратное прошлое, с философией бесполезности («удовлетворение любопытства за государственный счет»), с акцентом на механизме бюджетного финансирования в виде ренты (звания – капитал, к которому прилагаются «оклады за звания» и должности, в том числе и государственные, как процент на капитал), с отрицанием контроля как со стороны государства, так и со стороны научного сообщества. Все это из другой исторической эпохи. Производительно работающие ученые все больше дистанцируются от этого анахронизма.

У ученых есть серьезные опасения, связанные с усилением влияния государственных чиновников (отчасти и бизнеса) на науку, опасения того, что чиновники озабочены утилизацией науки, а не ее развитием. Чиновники действительно мало принимают во внимание университетские и академические свободы, творческую природу науки, ее открытость и стохастический характер ее развития. Чиновничество любит «организовывать», а еще больше «реорганизовывать» науку, любит «руководить» ею и «упорядочивать» ее, а особенно любит что-нибудь чему-нибудь переподчинять, что-нибудь укрупнять и затем разукрупнять. В худшем случае это – бюрократический вариант научной политики. Его и боится ученый мир. Но не следует так упрощать картину. Думающие госчиновники прекрасно понимают, что собственно наукой, научным потенциалом страны, ее интеллектуальным достоянием и исторической надеждой является производительное научное сообщество, заинтересованное в демократическом варианте научной политики, предполагающем развитие самоорганизации и самоуправления, проектной формы организации исследований и их финансирования, конкурсного отбора и независимой научной экспертизы проектов.

Так, один из руководителей Минобрнауки (в 2004–2007 годы) Д. В. Ливанов в статье «Государство и наука: способы взаимодействия» пишет: «Мы считаем, что именно финансирование через научные фонды обеспечивает поддержку наиболее эффективно работающих отдельных ученых, научных групп и научных организаций... При этом очень важно создать механизм, реально увеличивающий независимость этих фондов как от государственных структур, так и от различных научных корпораций, в том числе и Академии наук. Экспертное сообщество, объединяющее в себе представителей как Академии наук, вузовского сообщества и других научных организаций, так и представителей научной российской диаспоры, должно иметь определяющий голос при отборе тех проектов, которые достойны получить финансирование»⁴². По словам М. С. Гельфанда, именно «совершенствование грантовой системы опять же кажется более технологичным вариантом (реформирования науки. – Е. С.), к тому же дающим возможность прогрессистам из министерства вступить в естественный союз со здоровой частью Академии – а такая несомненно существует»⁴³. Эффективное управление фундаментальной наукой предполагает тонкое соотношение, выверенный баланс государственного (включая нормативное и административное) руководства и научной самоорганизации, что является обязательным требованием, обусловленным спецификой науки как одной из сложнейших форм человеческой деятельности, как важнейшего вида интеллектуального производства, как уникального культурно-исторического феномена.

Именно научное сообщество не только желает развития науки, но своим трудом и талантом осуществляет его. И это научное сообщество в современной России, на мой взгляд, еще жизнеспособно. Оно всегда имело, имеет и сейчас, свою настоящую элиту, представленную талантами, а не чинами. В моей профессиональной среде всегда было известно, что интеллектуальными лидерами отечественного философского сообщества были не академики П. Н. Федосеев с Ф. В. Константиновым да с А. Г. Егоровым, а «простые ученые» А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, М. К. Петров, Г. С. Батищев, Э. В. Ильенков... Эти люди творили философию, а академики присматривали за ними и получали за свои надзирательские труды звания вместе со всем тем, что намазывается на этот

бутерброд. В нашем полуфеодальном Зазеркалье и сейчас многое находится на тех же самых местах. Но сейчас, благодаря появлению свободных конкурсов и независимой экспертизы, а также благодаря расширению международных научных контактов, стало очевидно кто есть кто.

С учетом сказанного в настоящее время в кажущемся хаосе множества разнородных точек зрения, предложений, директивных решений, нормативных актов и т.д. можно совершенно отчетливо увидеть порядок, образуемый напряженным противостоянием и вполне логичными переплетениями четырех идеологий.

Вероятные сценарии развития науки в России

При кажущемся большом разнообразии возможностей реально просматриваются четыре реалистичных сценария развития науки в России: инерционный, революционный, радикальный реформаторский и эволюционный реформаторский.

Инерционный сценарий, при некоторой его вариабельности, по сути состоит в сохранении принципиальных основ существующей организации сферы исследований и разработок, а также сложившихся механизмов управления и финансирования исследований.

Инерционный сценарий предполагает сохранение:

- ▶ разделенности науки между ведомствами и квазиведомствами (Академии наук, имеющие государственный статус) при отсутствии или ослабленности общегосударственной координации и руководства;
- ▶ преобладания ведомственных интересов над государственными в секторе ведомственной науки;
- ▶ преобладания корпоративных интересов над государственными в академическом секторе науки, основанного на «праве» номенклатурных корпораций госакадемий фактически бесконтрольно распоряжаться от имени государства государственной собственностью и осуществлять управление государственными научными учреждениями по понятиям латентной приватизации. При этом речь идет не только об инновационных и интеллектуальных активах, но и о значительных имущественных комплексах.

Инерционный сценарий исключает:

- ▶ возможность осуществления действенной государственной научной политики, которая на практике деформируется ведомственными и корпоративными интересами;
- ▶ возможность инициатив «снизу», направленных на рост эффективности бюджетного финансирования и повышение эффективности научных исследований, что совершенно исключается ведомственным и в особенности корпоративным монополизмом.

Несмотря на очевидные недостатки, инерционный сценарий с возможными в его рамках имитациями изменений представляется мне наиболее вероятным. Действующие на научном поле силы, скорее всего, заблокируют друг друга, и никто не сможет осуществить активное действие. Пространство останется только для имитаций типа «перемен» в РАН, где до «реформы» было 18 отделений, сгруппированных в несколько секций, а после «рефор-

мы» и «сокращения» прежние отделения оказались переименованными в секции, которые теперь объединены в девять отделений (ранее называвшиеся секциями).

Реализация инерционного сценария означает, во-первых, сохранение действующих ныне деградационных тенденций, и во-вторых, вероятную катастрофу по крайней мере фундаментальной науки, например при резком сокращении поступления в страну нефтедолларов и, как следствие, обострении борьбы между бюджетополучателями, где возможности научной номенклатуры весьма ограничены. Инерционный сценарий – сценарий постепенного (не значит: медленного) умирания науки. Этот сценарий подерживается утратившей способность к исторической инициативе академической номенклатурой и научным балластом, для которого любые перемены губительны.

Революционный сценарий составляет прямую противоположность инерционного (сценария сохранения) и состоит в замещении старой национальной системы науки новой системой, создаваемой не на основе старой, а параллельно ей. Революционный сценарий основан на признании принципиальной неререформируемости российского научного комплекса, прежде всего Российской академии наук, которая характеризуется сторонниками данного подхода как «братская могила» или «хоспис», которая либо уже пережила, либо вот-вот переживет «коллапс». Сторонники данного подхода предлагают оставить РАН в покое, вынести ее за скобки, признать неизбежность ее естественного конца, а вместо напрасных усилий по ее реанимации сосредоточиться на создании новой, «параллельной» национальной системы науки, на построении новой научной организации. Эта точка зрения весьма распространена в среде не только университетских, но и академических ученых. Внешне она может выглядеть как вполне миролюбивая по отношению к РАН, другим госакадемиям, старой организации науки в целом, но в действительности это – самая радикальная из существующих, революционная по своей сути точка зрения.

Примером революционного сценария может служить проект создания системы компактных «центров перспективных исследований», предложенный А.К. Казанским и Г.А. Цирлиной. По их мнению, никакие частные проблемы (например, привлечение в науку молодежи) невозможно решить без радикального отказа от существующей организации науки и построения науки на совершенно новых основаниях. Авторы говорят о «полной нежизнеспособности, дистрофичности всей российской научной системы, в которой умрет все живое» и констатируют: «Этот узел нельзя развязать... Этот узел нужно рубить». И еще: «Нет иного выхода! Только решительно начать строить новую научную систему вне пирамиды и даже ее тени, объединив и целенаправленно поддерживая тех немногих, кто еще наверняка может работать», «Но выхода нет: или пойти на риск и использовать последний шанс создания точек роста, или распространиться с фундаментальной наукой в России». Старая научная система – «пирамида» – принципиально ни к чему не годна, она поддерживается, по мнению авторов, не только верхушкой, но и низами. «Инертные и безынициативные научные работники, даже не занимая «постов», определяют нынешнюю систему организации науки, поддерживая снизу пирамиду «лаборатория–отдел–институт». Цель существования этой пирамиды есть обеспечение выживания псевдоученых как необходимого условия ее же устойчивости»⁴⁴.

Идеологию радикальных преобразований последовательно излагает В. Г. Зинов. «Считаю, – пишет он, – что наиболее целесообразен революционный сценарий, несмотря на обязательные жесткие издержки материального и морального характера... На мой взгляд, особенности национального характера управления не дают, к сожалению, оснований надеяться на мягкие эволюционные методы проведения реформ»⁴⁵.

Идеология радикальности изменений может относиться не только к революционному сценарию развития, но и к радикальному реформаторскому сценарию, которые именно по идеологии (не по мероприятиям) весьма похожи.

Радикальный реформаторский сценарий по сути состоит в передаче потенциала фундаментальной науки заинтересованному в его использовании и развитии потребителю – высшей школе, инновационным структурам, непосредственно ряду государственных ведомств, а также в создании действенного механизма координации всех частей комплекса фундаментальной науки на государственном (правительственном) уровне.

Примером предложения в духе последовательного радикального реформаторства могут служить произнесенные десять лет тому назад слова проректора Санкт-Петербургского государственного университета профессора В. Н. Трояна: «К сожалению, руководству страны не хватает политической воли и здравого смысла пересмотреть политику финансирования научных исследований, сконцентрировав те небольшие средства, которые еще выделяются на поддержку и развитие университетской науки, а не вкладывать эти деньги в академические институты. Мировая практика показывает, что только в университетах, где имеется постоянный приток молодежи, могут эффективно развиваться фундаментальные научные исследования, требующие нестандартного научного мышления, большой творческой отдачи, юношеского самопожертвования»⁴⁶.

В более развернутом виде суть радикального сценария излагает генеральный директор НПО УНИХИМТЕК В. В. Авдеев (называющий его эволюционным). По мнению В. В. Авдеева, «нужно не сокращать число институтов, а проводить реорганизацию структуры РАН по трем направлениям. Главным, стратегическим направлением должно, на мой взгляд, стать объединение с университетами. Такой союз науки и образования позволит обеспечить развитие исследований на современном уровне и подпитку науки кадрами, молодыми специалистами. Вторым направлением может стать создание национальных лабораторий, в которые будет преобразована часть успешных институтов (пусть их будет 10 или 15). Каждая такая лаборатория должна отвечать за развитие определенного научного направления или отрасли науки и техники. Остальные же институты могут быть переданы в управление крупным корпорациям, заинтересованным в проведении соответствующих исследований и разработок, с возможным последующим акционированием, однако обязательным условием должно быть сохранение научного профиля этих организаций и продолжение научной деятельности как основной»⁴⁷.

Реализация данного сценария, сопряженная с множеством разнообразных трудностей, теоретически должна привести к оживлению и возрождению фундаментальной науки, переводу ее развития в европейские организационные формы. На практике данный сценарий является наибо-

лее рискованным из-за внутренней неготовности большинства указанных организаций к органичному включению в свою систему фундаментальных исследований.

Так, сомнительно, что российские университеты с преобладающей в них «диссертационной» наукой способны превратиться в исследовательские университеты (на основе которых действительно было бы возможно развитие современной фундаментальной науки) без глубочайшей системной перестройки их организации и деятельности, без преобразования их в центры интеллектуальной жизни и интеллектуального производства. Само по себе такое преобразование университетов является не менее сложным проектом, чем реформа организации фундаментальной науки.

Эволюционный реформаторский сценарий не исключает возможности поэтапной передачи фундаментальной науки в ведение субъектов, потенциально заинтересованных в ее развитии, он даже предполагает программу деятельности по подготовке условий для такого сценария развития. Но сам по себе эволюционный реформаторский сценарий состоит в качественном изменении и усилении как государственного управления сферой фундаментальной науки, так и самоуправления научного сообщества. В настоящее время и то, и другое подменяется монопольным положением академических номенклатурных корпораций, блокирующих жизненно необходимые изменения.

По словам М. С. Гельфанда, для фундаментальной науки «наиболее приемлемый» вариант – «не трогать существующее базовое финансирование, но зато все деньги, которые выделяются на увеличение финансирования, пустить на разработку нормальных фондов и создание научных программ с конкурсным распределением грантов, с нормальными механизмами – открытыми конкурсами по широким темам, международной экспертизой, ознакомлением подавших заявки с рецензиями и т.п... Во всем мире есть общепринятые стандартные формы финансирования науки через гранты и конкурсы. Эту систему надо развивать, что позволит постепенно сокращать «подушевую» долю финансирования, а долю грантовую можно будет постепенно увеличивать. В результате переход к нормальной модели произойдет более или менее безболезненно... Академию не надо радикально реформировать, ей надо дать спокойно жить, как она и живет, и рядом постепенно строить новые структуры и переводить организацию науки на эти рельсы»⁴⁸.

Эволюционный сценарий реформирования науки в своей критической части (оценка состояния науки) практически совпадает с радикальным реформаторским и близок к революционному, но в конструктивной части он отличается как от первого, так и, в особенности, от второго. Примером может служить следующее рассуждение М. С. Гельфанда: «... мне трудно с категоричностью утверждать, что новую систему нужно строить с нуля (это ответ революционерам. – Е.С.). Действительно, существующая система показала поразительную неспособность к реформированию, даже под весьма серьезным давлением – нельзя же реформой считать прошлогодние конвульсивные слияния и закрытия институтов или весенние сокращения, происходившие по произвольным и непрозрачным правилам. Очень характерна упорная борьба всей академической верхушки против вполне разумного министерского проекта по надбавкам: подозреваю, тут дело даже не в том, что уходят какие-то финансовые рычаги, а в том, что, когда все будет посчитано, окажется, что

многие короли, мягко говоря, не совсем одеты. В этой ситуации уже не получится ссылаться на мифические «подсчеты в ЦЭМИ», показавшие невероятную эффективность российской науки. С другой стороны, опыт всех последних лет показывает, что попытки построить с нуля что-то новое и хорошее приводят к воспроизведению тех же самых проблем. В этом смысле неясно, почему строительство новых структур должно начинаться с «центров нового образца», а не, скажем, радикального улучшения работы РФФИ и системы министерских лотов, создания новых фондов с различными условиями и направленностью – т.е. создания нормальной грантовой структуры»⁴³.

На мой взгляд, эволюционный сценарий развития предполагает:

- ▶ создание надведомственного общегосударственного механизма и органа управления комплексом фундаментальной науки, а также качественное укрепление министерства, непосредственно осуществляющего государственную научную политику;
- ▶ концентрацию научного потенциала в нескольких органично нуждающихся в нем государственных ведомствах и прежде всего в системе Министерства образования и науки;
- ▶ устранение подмены государственного управления сферой фундаментальной науки управлением номенклатурных корпораций;
- ▶ развитие научного самоуправления и устранение ныне подменяющей его монополии академической корпорации (элитарного клуба);
- ▶ значительное (в три – пять раз) увеличение доли грантового финансирования исследований и разработок, прежде всего фундаментальных исследований, и, как следствие, перевод преобладающей части фундаментальных исследований главным образом в проектно-программную форму их организации, адекватную принципам рыночной экономики и конкурентной среды, доказавшую за последнее десятилетие свою высокую эффективность, в том числе и в российских условиях;
- ▶ создание исследовательских университетов и интеграционных научно-образовательных комплексов;
- ▶ создание новых и развитие уже существующих научно-инновационных комплексов и научно-инновационных фирм.

Эволюционный реформаторский сценарий предполагает усиление государственного управления сферой фундаментальной науки, отказ от делегирования государством управленческих функций и полномочий самовоспроизводящимся номенклатурным корпорациям с их специальными интересами. Этот сценарий внушает научному сообществу опасение из-за реальной угрозы усиления влияния бюрократии, особенно в условиях неразвитости научного самоуправления. Но другого способа ограничения влияния номенклатурных корпораций на управление наукой реально просто нет, а без этого, как показывает опыт последних полутора десятилетий, в принципе невозможны никакие, даже очевидные (типа развития государственных научных фондов) решения.

Номенклатурная корпоративность – гарант гибельного инерционного сценария. Введение реального государственного управления госсектором науки – способ устранения монополии номенклатурной корпорации. Развитие научного самоуправления – противоядие и против бюрократизации и против номенклатурной монополии.

Выбор сценария

Инерционный сценарий, внешне наименее рискованный («хотя бы не ухудшающий» положение науки), в действительности предлагает всем просто присутствовать при умирании науки и является наиболее разрушительным, а, возможно, и гибельным для науки. Последние 15 лет российская наука развивалась в основном по этому сценарию, и последствия такого развития достаточно хорошо видны.

Революционный сценарий предполагает признание существующей системы организации науки полностью негодной, не имеющей ценности даже в качестве строительного материала. Он ориентирован на полное замещение наличной системы вновь создаваемой «нормальной» системой. Он ни в коей мере не ориентирован на реорганизацию существующей системы. Несмотря на созидательный пафос, он принципиально революционен, полностью отрицает какую-либо ценность национальной традиции. Данный сценарий представляется мне утопичным, т.е. практически нереализуемым проектом. Но отдельные элементы данного проекта, а именно: создание каких-то новых научных организаций и комплексов, особенно в случае их поддержки со стороны бизнеса, вполне реальны.

Радикальный реформаторский сценарий предполагает наиболее кардинальные, теоретически спасительные, но в то же время и наименее подготовленные изменения в сфере организации фундаментальной науки. Это – сценарий наибольших рисков, максималистский, но не оптимальный.

Оптимальным в современных российских условиях является, на мой взгляд, эволюционный реформаторский сценарий. Он предлагает осмысленные активные действия, в отличие от пассивного инерционного сценария, и является более реалистичным и бережным по отношению к науке, в отличие от радикального реформаторского и, тем более, революционного сценариев.

Эволюционный реформаторский сценарий обладает рядом принципиальных достоинств, в числе которых:

- ▶ учет российских культурно-исторических традиций, лимитирующих развитие науки не меньше, чем ограниченность ресурсов, и прежде всего традиций, связанных с тем, что в России наука исторически сформировалась и развивалась как «государственное дело»;
- ▶ учет фундаментальных основ современных мировых, и отечественных в том числе, реалий, предполагающих изменение организационных форм фундаментальной науки в направлении их соответствия условиям конкурентной рыночной среды;
- ▶ учет современных конъюнктурных российских условий и обстоятельств и прежде всего соответствие производимых изменений в организации фундаментальной науки процессу собирания и укрепления государственной власти;
- ▶ сохранение дееспособной производительной части научного сообщества и развитие перспективных и экономичных форм проектной и программной организации фундаментальных исследований, а не разросшегося балласта и согласующихся с ним отживших институциональных форм (по образному выражению академика М.А. Лаврентьева, в науке проблема выдоха всегда сложнее проблемы вдоха);

- ▶ концентрация бюджетной поддержки на наиболее передовом, качественном научном потенциале, востребованном за счет конкурсов, независимой экспертизы и государственного заказа;
- ▶ устранение номенклатурно-корпоративного управления значительной частью потенциала фундаментальной науки, которое делало в принципе невозможным любое реформирование организации фундаментальных исследований в России в последние 15 лет и сохранение которого сделало бы назревшие перемены невозможными и в будущем.

Данный сценарий имеет и то преимущество, что он ориентирован не на инвентаризацию научных организаций, выявление худших и их административную ликвидацию, а, напротив, на экспертное выявление, конкурсный отбор лучших и их акцентированную поддержку. В ограниченном масштабе такой опыт был проведен в первой половине 1990-х годов благодаря первым конкурсам российских научных фондов. Такой способ действия является наиболее естественным.

В чем сходятся сторонники всех сценариев развития (естественно, кроме инерционного), так это в особой роли и ответственности государства. Так, революционеры А.К. Казанский и Г.А. Цирлина пишут: «На наш взгляд, только волевое политическое решение может сломить первоначальное сопротивление и одновременно минимизировать напряженность»⁴⁴. Эволюционист М.С. Гельфанд соглашается в этом с данными авторами и говорит, что «сегодня единственной структурой, способной реализовать высказанные в статье предложения, является Министерство образования и науки – других контор соответствующего уровня просто нет»⁴³.

Варианты сценария эволюционного реформирования науки

Поскольку сценарий эволюционного реформирования науки представляется мне безусловно предпочтительнее радикального и революционного (об инерционном невозможно сказать ничего положительного), то остановлюсь на нем более подробно.

Реально просматриваются, на мой взгляд, два варианта развития фундаментальной науки по эволюционному реформаторскому сценарию. Они связаны с разными способами государственного управления комплексом фундаментальной науки. В одном случае это жесткий вариант *прямого управления* научными организациями со стороны соответствующих министерств при включении данных научных организаций в число подведомственных им организаций. В другом случае – мягкий вариант *внешнего управления* научными организациями со стороны Правительства РФ, Министерства образования и науки и профильных министерств при условии сохранения научными организациями своей самостоятельности – невключенности в число подведомственных организаций.

Оба варианта предполагают:

- ▶ усиление государственного управления крупными сегментами комплекса фундаментальной науки со стороны представляющих собственника (государство) министерств, прежде всего Министерства образования и науки РФ, при обязательной глубокой перестройке самого Министерства образования и науки и отчасти других министерств;

- ▶ создание надведомственного (правительственного) уровня государственного управления комплексом фундаментальной науки;
- ▶ развитие научного самоуправления, конкурсных начал, проектной формы организации фундаментальных исследований.

Но указанные варианты обладают также и существенными различиями, поскольку вариант внешнего управления (мягкий) предполагает не прямое, косвенное, опосредованное управление со стороны государства обладающими самостоятельностью организациями-ведомствами, тогда как вариант включения (жесткий) государственных научных организаций в состав Министерства образования и науки и профильных министерств предполагает прямое управление ими со стороны соответствующих министерств. Развилкой здесь является именно *способ государственного управления* как большими сегментами комплекса фундаментальной науки, так и собственно научными организациями.

Вариант *прямого управления* (жесткий) предполагает:

- ▶ переход научных организаций в ведение органов государственного управления, концентрацию научных организаций, осуществляющих фундаментальные исследования, в Министерстве образования и науки, а также в профильных министерствах, что требует полного отделения академий наук (как научных обществ с персональным членством) от государственных научных организаций, осуществляющих за бюджетный счет фундаментальные исследования и ныне находящихся в ведении самовоспроизводящихся академических корпораций;
- ▶ изменение механизма государственного управления научными организациями, включенными в состав Министерства образования и науки и профильных министерств за счет введения процедуры назначения директоров данных организаций соответствующими министерствами;
- ▶ глубокое качественное преобразование Министерства образования и науки с целью превращения его в действенный орган осуществления государственной научной политики, преобразование, охватывающее функции и полномочия, структуру и кадровый состав, кардинальное изменение требований к уровню квалификации специалистов;
- ▶ создание надведомственного (правительственного) уровня управления наукой в виде поста вице-премьера Правительства РФ с функциями и полномочиями, достаточными для осуществления координации деятельности профильных министерств, или в виде правительственной комиссии по научной политике. (Недавнее решение Совета безопасности РФ о создании Правительственной комиссии для координации деятельности по реализации научной, инновационной и технологической политики является конкретным воплощением этой назревшей необходимости.)

Вариант *внешнего управления* предполагает:

- ▶ сохранение, возможно, с частичным изменением организационно-правовой формы существующих научных организаций. РАН, РАСХН, РАМН, РААСН, РАО сохраняются как самостоятельные юридические лица, не входящие в состав какого-либо министерства;
- ▶ изменение механизма государственного управления данными орга-

низациями-ведомствами за счет разделения функций и полномочий научного руководства и административно-хозяйственного управления (включая управление имущественными комплексами и инновационными активами научных организаций) с сохранением в какой-то форме процедуры избрания («общим собранием» или собранием представителей научных организаций) научного руководителя и введением в какой-то форме процедуры назначения (Правительством или Министерством образования и науки РФ) административно-хозяйственного руководителя как всей организации-ведомства, так и входящих в его состав научных организаций ранга научно-исследовательских институтов и их региональных и научно-дисциплинарных объединений.

При этом необходимо качественное преобразование Министерства образования и науки РФ практически в том же объеме, что и в случае варианта «внешнего управления», а также создание надведомственного уровня государственного управления наукой, как и при введении «внешнего управления».

Оба указанных варианта – мягкий и жесткий – предполагают существенные системные изменения собственно организации фундаментальных исследований, а также механизма их финансирования, включая:

- ▶ значительное изменение пропорций базового (сметного) финансирования и конкурсного (грантового и в форме госзаказа) финансирования, а именно перераспределение бюджетного финансирования в пользу второй формы;
- ▶ преобразование научных организаций типа институтов, ныне преимущественно административных структур, в инфраструктурные образования, приспособленные для деятельности мобильных научных групп, осуществляющих исследования и производящих новое знание;
- ▶ проведение научных исследований главным образом в форме инициативных проектов, отобранных в ходе конкурсов на основе научной экспертизы и поддержанных грантами, и в форме заказных *проектов и программ*, отобранных в ходе целевых конкурсов и поддержанных госзаказом.

Выбор варианта

Жесткий вариант (прямое управление научными организациями с их включением в число подведомственных тому или иному министерству) предпочтительнее своей последовательностью и необратимостью осуществляемой реформы. Его недостаток в пугающей многих бескомпромиссности и, как следствие, в большем сопротивлении ему реакционных групп. Он предполагает, в частности, твердую волю реформатора. В российской истории успех имели, как правило, именно такие решительные варианты реформирования. Их успевали довести до конца, прежде чем они вязли в консервативной среде.

Мягкий вариант (внешнее управление) имеет явный недостаток в виде значительной компромиссности и характерной особенности многих российских реформ – их половинчатости. Но это же делает его более приемлемым для консервативных сил и легче осуществимым. Хотя «КПД» такого рефор-

маторского действия может оказаться удручающе низким, именно оно по совокупности плюсов и минусов, очевидно, будет признано предпочтительным современными недостаточно решительными реформаторскими силами.

Оба варианта реформирования, особенно жесткий, как более последовательный и глубокий, предполагают существенное изменение механизма финансирования фундаментальной науки.

В настоящее время в России абсолютно доминирует наименее адресный и наименее эффективный механизм бюджетного финансирования фундаментальной науки в форме сметного финансирования научных организаций по факту их штатного расписания и имеющегося имущественного комплекса, без какого-либо учета их отдачи. Наиболее эффективное для фундаментальной науки грантовое финансирование (с присущим ему конкурсным отбором проектов, независимой экспертизой, финансированием непосредственно научных работ, строгой отчетностью) тоже присутствует, но в декоративных размерах и имеет тенденцию к свертыванию и административному подавлению.

Финансирование фундаментальной науки должно быть основано на сочетании базового финансирования научных организаций (состоящего в свою очередь из финансирования научной инфраструктуры и финансирования штатного расписания) и финансирования научных проектов и программ, как инициативных, так и в форме госзаказа. При этом необходимо радикальное перераспределение финансирования от ныне абсолютно доминирующего базового (сметного) к преимущественно проектно-программному.

Данный подход был провозглашен в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ весной 2001 года, где сказано о необходимости «точно определить приоритеты государственного финансирования научных направлений. И одновременно с этим изменить механизм их финансирования, в том числе таким образом, как это уже не первый год делают отечественные научные фонды. Они на конкурсной основе финансируют именно исследования, а не исследовательские учреждения»⁴⁹.

Данный подход требует:

- ▶ выработки и введения в действие плана перераспределения бюджетного финансирования науки между сметным и грантовым (а также в форме госзаказа) финансированием в пользу последнего;
- ▶ перехода к увязке сметного финансирования с поддержанием инфраструктуры научных организаций, к сведению штатного расписания к аппарату инфраструктурной части организаций, к переводу научного персонала на контрактную основу в рамках программного и грантового финансирования;
- ▶ развертывания продуманной системы прозрачных конкурсов проектов (малая форма) и программ (крупная форма) на основе опыта деятельности РФФИ, РГНФ, Программ Министерства образования и науки, выстраивания данной системы как системы.

В контексте данного реформаторского проекта предполагается переход к организации исследований по типу проектов и программ.

Первые при этом должны быть:

- ▶ инициативными, основанными на творческой интуиции ученых;
- ▶ охватывать широкий фронт исследований;
- ▶ короткими (1–3 года) по времени исполнения;
- ▶ малыми (до 10 человек) по числу участников.

Вторые должны быть:

- ▶ привязаны к приоритетным направлениям и критическим технологиям;
- ▶ сконцентрированы на узких, особо значимых направлениях науки;
- ▶ продолжительными (до 5–7 лет) по времени осуществления;
- ▶ большими (без ограничения) по числу исполнителей.

Пессимистическая комедия

В начале 2007 года развернулось поучительное действо под названием «Проект Устава РАН». Сначала появился проект Модельного устава государственных академий наук, подготовленный по инициативе Министерства образования и науки, предполагавший изменение механизма управления государственными академиями наук. Изменение состояло прежде всего в ограничении полномочий Президиумов академий наук и введении новых органов управления академиями в виде наблюдательных советов и правлений. Модельный устав вызвал надрывную реакцию у многих представителей главной академической корпорации (РАН). И началась «борьба» – экзальтированные интервью и заявления представителей академической корпорации в СМИ, обращение Совета директоров институтов РАН к высшим органам государственного управления и, наконец, Общее собрание РАН с его «единодушным» решением не в пользу модельного устава. Впрочем, по крайней мере, одна из государственных академий, а именно Российская академия образования (РАО), согласилась с новым устройством управления академией по схеме модельного устава.

Вслед за модельным уставом появился проект Устава РАН, подготовленный в системе РАН, который сохранял неизменной прежнюю систему управления академией. В конце марта 2007 года Общее собрание РАН единодушно высказалось за свое корпоративное детище и против всяких вмешательств в дела Академии извне. Даже рекомендации ввести возрастные ограничения при замещении руководящих должностей в РАН были воодушевленно отторгнуты. Теперь Правительство Российской Федерации должно будет разбираться со сложившейся ситуацией, поскольку оно по действующему законодательству утверждает уставы государственных академий наук.

Очевидно, что произошла предварительная проба сил, которая, в рамках предложенной в данной статье схемы, состоит в выборе между инерционным сценарием развития, который поддерживается академической корпорацией (Общее собрание РАН), и мягким вариантом (внешнее управление) эволюционного реформаторского сценария (Минобрнауки). Многие реформаторски настроенные научные сотрудники считают, что Правительству следовало бы настоять на своем, пусть и излишне мягком, излишне компромиссном и наименее эффективном варианте реформирования. Автору данной статьи представляется, что, судя по реакции академической корпорации, никакой мягкий и компромиссный вариант невозможен, а значит лучше и не настаивать на нем. Конструктивнее было бы сразу перейти к схеме прямого управления, т.е. к жесткому варианту эволюционного сценария.

Продолжающееся инерционное развитие неизбежно ведет к углублению деградации российской науки. Преодоление инерции является абсолютной необходимостью. Реформа науки жизненно важна и необходима.

Преодоление инерционного процесса невозможно без отстранения от управления наукой академической номенклатуры, руководствующейся своими специальными корпоративными интересами. Без этого реформа науки принципиально невозможна.

Интересы общества, включая государство и производительную часть научного сообщества, не могут быть принесены в жертву интересам академической номенклатуры, и с точки зрения национальных интересов реформа науки неизбежна, поскольку страна не может остаться без науки.

Учитывая исторический опыт российских реформ, успех в реформировании науки более реален в случае реализации жесткого варианта эволюционного сценария реформирования.

Миссия науки в современной России состоит в качественном повышении конкурентоспособности и расширении исторических перспектив российского общества, обладающего в настоящее время крайне низкой конкурентоспособностью и находящегося фактически на грани исторического выживания.

Осуществление данной миссии предполагает эффективное выполнение наукой всего комплекса ее социально значимых функций, включая:

- ▶ когнитивную (производство нового знания);
- ▶ образовательную (воспроизводство знания в форме человеческого капитала);
- ▶ инновационную (модернизация технологий и технических систем);
- ▶ прогностическую, включая разработку форсайтов;
- ▶ экспертную.

С учетом миссии и функций науки можно сделать некоторые общие выводы:

- ▶ наиболее предпочтительной *идеологией развития* науки в современной России является прогрессистская идеология, сочетающая идеи использования и развития научного потенциала, а также идеи государственного управления и самоуправления научного сообщества;
- ▶ из возможных сценариев развития науки наиболее предпочтительным является эволюционно реформаторский сценарий;
- ▶ из двух предложенных вариантов эволюционно реформаторского развития (сценария) предпочтительным является вариант прямого управления (жесткий).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Яременко Ю. В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М., 1997.
- ² Салтыков Б. Г. Российская наука – тяжелое время реформ // Российская наука: состояние и проблемы развития. Новосибирск, 1996.
- ³ Салтыков Б. Г. Актуальные вопросы научно-технической политики // Наукоедение. 2002. № 1.
- ⁴ Коптюг В. А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997.
- ⁵ Алферов Ж. И. Нужно ли России министерство науки // Независимая газета. 24 февраля 2000 г.

- 6 Осипов Ю. С. Академию сплачивают столетние традиции // Поиск. 2001. № 10.
- 7 Предвыборное выступление академика Юрия Осипова // Поиск. 2001. № 46.
- 8 Осипов Ю. С. Вопрос политического выбора // Известия. 29 марта 2002 г.
- 9 Глазьев С. Ю. «Высшее научное учреждение» – это пустая фраза // Независимая газета. 2006. № 56; см. также: <http://www.opes.ru>
- 10 Салтыков Б. Г. Реформа науки упирается в реформу академического сектора // Ваганов А. Г. Диалоги о научно-технической политике. М., 2001.
- 11 Цит. по: Журавлева Е. Ученым – совет // Новые известия. 27 октября 2004 г.
- 12 Назмеев Ю. Стратегический резерв // Поиск. 2 декабря 2005 г.
- 13 Цит. по: Петухов С. Академия наук отделилась от государства // Коммерсантъ. 2005. № 88.
- 14 Жорес Алферов – лицо физическое // Российская газета. 2001. № 66.
- 15 Цит. по: Петухов С. Ученые не продаются // Коммерсантъ. 2004. 29 сентября.
- 16 Цит. по: Петухов С. Академиком выставят на аукцион // Коммерсантъ. 15 сентября 2004 г.
- 17 Осипов Ю. С. Академики останутся с головой // Российская газета. 22 июня 2006 г.
- 18 Платэ Н. А. Наука и российское общество на рубеже веков // Поиск. 15 декабря 2000 г.
- 19 Микроидеология академика Спирина // Общая газета. 23 – 29 июля 1998 г.
- 20 Велихов Е. П. Сила Академии не в количестве академиков // Российская газета. 11 февраля 1999 г.
- 21 Салтыков Б. Г. Вишневый сад российской науки // Независимая газета. 16 февраля 2001 г.
- 22 Осипов Г. В. Академия наук под ударом // Независимая газета. 23 февраля 2001 г.
- 23 Глазьев С. Ю. Значительная доля ответственности за дремучее состояние российской науки лежит на президенте РАН Ю. Осипове // <http://www.opes.ru>
- 24 Гинзбург В. Л. Как организовать реорганизацию // Поиск. 30 ноября 2001 г.
- 25 Гинзбург В. Л. Власть – Обществу собранию // Поиск. 15 ноября 2002 г.
- 26 Велихов Е. П. Дублер Солнца согреет Землю всего за четыре миллиарда долларов // Российская газета. 2001. № 108.
- 27 Накоряков В. Е. Академия наук жива, а жива ли академическая наука? // Поиск. 21 декабря 2001 г.
- 28 Бузник В. М. Инновационная система Российской академии наук // Наука Москвы и регионов. 2005. № 3. С. 20.
- 29 Ковальчук М. В. Что надо нано // Поиск. 7 апреля 2006 г.
- 30 Ковальчук М. В. Атомные комбинаторы // Российская газета. 18 апреля 2006 г.
- 31 Добрецов Н. Л. Академическая реформа или путь разрушений // Независимая газета. 22 ноября 2000 г.
- 32 Арутюнов В. С. Академическая верхушка богатеет // Независимая газета. 23 апреля 2003 г.
- 33 Сорок докторов против академика // Независимая газета. 14 мая 2003 г.
- 34 Мирская Е. З. Российская академическая наука в зеркале социологии // Независимая газета. 24 мая 2000 г.
- 35 Откуда пошли реформаторы. Интервью с Егором Гайдаром // <http://polit.ru/analytics/2006/09/06/gaidar.html>.

- ³⁶ Вейцман Э. В. Ретрограды против шарлатанов // Независимая газета. 25 сентября 2002 г.
- ³⁷ Горяинов П. «Штаб науки» превращается в представительство московских кланов // Независимая газета. 19 июля 2000 г.
- ³⁸ Табаков О. Я не понимаю, что значит академический // Коммерсантъ. 1 сентября 2004 г.
- ³⁹ Атака на Академию // Коммерсантъ. 23 июня 2006 г.
- ⁴⁰ Накоряков В. Е. Суета вокруг вакансий // Поиск. 1 сентября 2006 г.
- ⁴¹ Осипов Ю. С. Горжусь, что нам удалось сохранить Академию // Поиск. 7 июля 2006 г.
- ⁴² Ливанов Д. В. Государство и наука: способы взаимодействия // Поиск. 19 мая 2006 г.
- ⁴³ Гельфанд М. Наиболее оптимальным мне представляется совершенствование грантовой системы // <http://www.scienscerf.ru>
- ⁴⁴ Казанский А. К., Цирлина Г. А. Крах российской науки как высшая и последняя стадии ее реформы // <http://www.scienscerf.ru>
- ⁴⁵ Зинов В. Наука существует для добычи новых знаний // <http://www.scienscerf.ru>
- ⁴⁶ Троян В. Н., Гранты и стипендии для творческой молодежи // Вестник РГНФ. 1997. № 1.
- ⁴⁷ Авдеев В. Проблема реформирования РАН касается не только самой Академии // <http://www.scienscerf.ru>
- ⁴⁸ Гельфанд М. С. Если это называется эволюционный сценарий – слава богу // <http://www.scienscerf.ru>
- ⁴⁹ Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. М., 2001.